

УДК 001(091)
ББК 72.3

Д.Я. МАЙДАЧЕВСКИЙ

В.Н. ШЕРСТОБОВЕ И ЕГО «ИЛИМСКАЯ ПАШНЯ» В ТЕРНИЯХ ПОЗДНЕСТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ

Статья помещает работу В.Н. Шерстобоева над «Илимской пашней» в контекст развернувшихся в стране в период «позднего сталинизма» идеологических кампаний. Последние востребовали — едва ли не в каждой из интеллектуальных областей — людей к созидательному творчеству неспособных, но всегда готовых, в силу своей некомпетентности, выступить «профессиональными» критиками трудов других. Не каждый из творцов имел собственного, олицетворявшего систему «злого гения», но таковой возник на пути иркутского ученого, делая его поистине тернистым.

Ключевые слова: идеологические кампании, «поздний сталинизм», «Илимская пашня», В.Н. Шерстобоев, история науки.

D. YA. MAIDACHEVSKY

SHERSTOBOEV V.N. AND HIS «ILYIMSKAYA PASHNYA» IN THORNS OF LATE STALINISM

This article puts Sherstoboevs' work «Ilyimskaya Pashnya» (Ilyim plow) in context of ideological campaigns of late Stalinism. This campaigns usually lacks of people who may create something, but surpluses people who may easily critic others, due to lack of confidence. It is not mandatory for any artist to have own personal «evil genius», the representative of cruel system, but Irkutsk scientist has one, who makes his way truly arduous.

Keywords: ideological campaigns, «Late Stalinism», «Ilyimskaya Pashnya», Sherstoboev, history of science.

Настоящая публикация не первая, рассматривающая творчество Вадима Николаевича Шерстобоева (1900–1963) в контексте послевоенной эпохи. Предшествующие, однако, избрав микроаналитическую стратегию исследования, делали это помещая «труды и дни» ученого преимущественно в историко-научный контекст (см., например: [17; 18]). Подчеркивая тем самым факт влияния, оказываемого социальными отношениями внутри научного сообщества, а также объективными условиями деятельности ученых, многообразными формами и институтами интеллектуального общения на познавательную деятельность и формирование продукта науки. В данной же статье автор обращается к «внешней» истории науки, подразумевая под этим, что видит исторический контекст совокупностью внешних по отношению к ней факторов, как взаимосвязь науки с проблемами общества в целом. В силу чего, контекст приобретает значение фона, или среды, задающей условия протекания познавательной деятельности и интерпретации полученных научных результатов.

Преимущественного внимания политических и социальных историков удостоилась политико-идеологическая составляющая этого контекста. Более чем за четвертьвековой постсоветский период они весьма преуспели в деле ее реконструкции, особое внимание уделив развернувшимся в послевоенное десятилетие идеологическим кампаниям. Благодаря их усилиям социально-политическая история прошла путь от создания описаний хода кампаний, сопровождавшихся простой их увязкой с внутренними и внешними проблемами развития страны, до рассмотрения кампаний в качестве основного механизма управления ею, своеобразного политического института позднесталинской эпохи. В первом случае вершиной анализа стало создание хронологической классификации, периодизации кампаний [30], во втором — классификации типологической, с выделением универсальных этапов кампаний, установлением повторяющихся шаблонов действий в их рамках, механизма кампаний, отслеживанием практик их проведения и т.д. [14].

Небезынтересная сама по себе логика развития исследовательского интереса к теме, отражающая процесс превращения политико-идеологических кампаний в самостоятельный предмет изучения, в значительной степени обедняет, однако, последние в их значении исторического контекста. Лишая — вследствие «схематизации» и «типизации» — подробностей, частных, деталей времени и места, в которых происходили в прошлом те или иные события научной жизни. Деталей, играющих порой решающую роль в деле этих событий анализа и интерпретации. Кроме того, препятствуя движению мысли и изложения в обратном направлении — от событий к контексту, не позволяя по-новому расставить акценты, найти нюансы, до неузнаваемости меняющие порой первоначальное его видение.

Поэтому, обращаясь к заявленной теме статьи, и дабы задействовать идеологические кампании в качестве контекста предпринятого историко-научного исследования, стоит с достигнутых исторической наукой высот обобщений и типизаций вернуться на казалась бы давно и сознательно преодоленный ею этап создания описаний. К сожалению, далеко не все регионы нашей обширной страны или их крупные культурно-научные центры, специфика хода и практика проведения в них кампаний, стали предметом изучения местной исторической науки (см., например: [7; 8; 16; 21]). Не посчастливилось и Иркутску с областью, хотя взявшие с начала 1990-х гг. старт процессы деидеологизации и деполитизации последней и вселяли некоторую надежду. Иркутский историк В.Н. Казарин, посвятивший проблематике идеологических кампаний ряд отдельных публикаций, был решительно настроен рассмотреть ее на местном уровне, осветив «на базе архивных материалов». Правда, в итоге все свелось к использованию почерпнутых из архивов свидетельств в качестве всего лишь «эпизодов», призванных проиллюстрировать местным

материалом череду инспирированных «сверху» кампаний: «борьбы с иностранщиной» и «борьбы с космополитизмом» [13, с. 100; 12].

Даже поправив столичных коллег в вопросе о времени начала кампаний и перенеся его с принятия серии ужесточавших политику в области идеологии и культуры августовско-сентябрьских 1946 г. постановлений ЦК ВКП(б) на апрельское того же года совещание по вопросам пропаганды, работы центральных газет и издательств под председательством А.А. Жданова, местный историк связал их старт в Иркутске с декабрьским рассмотрением обкомом партии вопроса о выполнении постановления ЦК о работе драматических театров [13, с. 102]. Хотя к тому времени кампания уже набирала ход, были намечены направления главных ударов, сформулированы обвинения и даже озвучены имена некоторых из гонимых (как, впрочем, и их гонителей), связанные отнюдь не с одним только театральным искусством или литературной работой. В числе тех, чье имя «прозвучало» на всю область со страниц печатного органа Иркутского областного и городского комитетов ВКП(б) и Областного совета депутатов трудящихся газеты «Восточно-Сибирская правда», было имя доцента Иркутского финансово-экономического института Вадима Николаевича Шерстобоева.

Свяжем старт идеологических кампаний в Иркутской области с перепечаткой 9 июля 1946 г. на страницах главной областной газеты передовой из первого номера (от 28 июня) нового печатного издания — органа уже не Отдела, но Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) — газеты «Культура и Жизнь», озаглавленной «Выше уровень идеологической работы». Именно эта статья транслировала на местный и региональный уровень установки упомянутого В.Н. Казариным совещания по вопросам пропаганды, работы центральных газет и издательств, нацеливала на превращение уже республиканских, краевых, областных и районных газет, их критических выступлений, в основное орудие идеологического руководства всеми областями — от экономики до культуры — общественной жизни. И хотя в эпицентре критики, призванной оказывать отрезвляющее, воспитательное и направляющее воздействие, должны были оказаться, в первую очередь, литература, театр и кинематограф, вне ее досягаемости не должна была оказаться и советская наука [6].

Словно откликаясь на призывы передовицы «жить интересами современности, а не прошлого» и «проникнуться идеями животворного советского патриотизма», газета все материалы следующей полосы публикует под шапкой «Науку на службу народу». В информационной «бочке меда» помещенных на полосе публикаций — научных самоотчетов вузов города, подписанных директорами, их заместителями или руководителями ведущих кафедр — оказалась и «ложка дегтя», добавленная туда редакцией. Небольшая заметка, призванная проинформировать о состоянии научных дел «в фининституте», сообщала читателям о том,

что «специалист по экономике и планированию сельского хозяйства, заведующий кафедрой отраслевых экономик, кандидат сельскохозяйственных наук тов. В.Н. Шерстобоев закончил докторскую диссертацию на тему “Проблемы сельскохозяйственного освоения Предбайкалья”» [4]. Заметка эта интересна не столько наличием в ней заведомо ложной информации, сколько умелым ее соединением с информацией достоверной — специальность, должность, ученая степень — с целью формирования определенного общественного мнения на предмет несоответствия последних направлению научных занятий. Именно этот инцидент, в совокупности с предшествовавшей ему «опечаткой» в информации о работе над книгой «Илимская башня (!) XVII–XVIII века» [15], заставит ученого не только обратиться к ответственному редактору газеты с опровержением [9, д. 228, л. 18], но и заподозрить наличие связанного с газетой недоброжелателя. Выйти того на свет и превратиться в источник неприятностей ученого, или его «злого гения», заставят набравшие ход кампании, надеявшиеся ничтожных людей властью над жертвами.

Переходить от слов к делу местные партийные власти, впрочем, явно не спешили, дожидаясь отмашки «сверху» и проведя собрание работников литературы и искусства Иркутска только 20 сентября 1946 г. И хотя стенограмма этого мероприятия, опубликованная на страницах «Восточно-Сибирской правды», начиналась совсем в духе времени с самокритики: «более месяца прошло со дня опубликования постановления ЦК ВКП(б) о журналах “Звезда” и “Ленинград”. Лишь 20 сентября в Иркутске состоялось собрание писателей, творческих работников театров, художников и преподавателей общественных наук вузов города, посвященное вопросам идеологической работы. Между тем, оснований для такого спокойного, замедленного отклика на это важнейшее решение партии в Иркутске нет никаких...» [27], и даже критики достаточно сдержанного выступления секретаря обкома по идеологии, вряд ли момент его проведения был выбран случайно.

В пользу этого говорит тот факт, что на следующий день, 21 сентября, в газете «Правда» была напечатана сокращенная и обобщенная стенограмма двух докладов А.А. Жданова на собраниях партийного актива и писателей в Ленинграде (состоявшихся еще 15 и 16 августа). Вот и на страницах областной партийной газеты обе эти стенограммы — «иркутская» и «ленинградская», разъяснявшая партактиву и творческой интеллигенции культурной столицы (а теперь и столицы Восточной Сибири) пункты постановления ЦК ВКП(б) — появились соответственно в номерах от 24 и 25 сентября [27; 10]. Подобный ход развития событий свидетельствует об очевидном желании власти посмотреть на то, как далеко представители не только областной парторганизации, но и интеллигенции готовы зайти в своей идеологической самокритике и критике; насколько последняя недотягивает до планки, заданной выступле-

ниями А.А. Жданова; на кого из числа членов творческих союзов можно опереться в своих властных устремлениях и т.д.

Сценарий дальнейшего разворачивания кампании был очевиден — она двинулась «вширь» и «вглубь», распространяясь на новые территории региона, проникая в творческие союзы и организации, затягивая в свой «маховик» конкретных людей. С точки зрения же предпринятого исследования обратим внимание лишь на три ключевых, на наш взгляд, момента, объясняющих каким образом в этот «маховик» уже на начальном витке кампаний были втянуты наука и В.Н. Шерстобоев. Состоявшееся в Иркутске обсуждение наглядно продемонстрировало, во-первых, стремление рассматривать в качестве едва ли не главного недостатка, служащего достаточным основанием для идеологической критики, приверженность автора исторической проблематике. Более того, последняя стала отождествляться с «уходом от современности и социалистической реальности» и, мало того, — с «чисто развлекательными пустопорожними сюжетами». Отнюдь не вытекавшие непосредственно из Постановления ЦК ВКП(б), хотя и представлявшие собой вырванные из контекста доклада А.А. Жданова выражения, формулировки стали если не приговором, то поводом для политико-идеологического прессинга, в силу, главным образом, простоты поиска с их помощью потенциальных «жертв». Показательны, в этой связи, слова из заглавного доклада, прозвучавшего на собрании работников литературы и искусства Иркутска: «Главный недостаток заключается в том, что наши писатели не создали хороших, полноценных произведений о современности. Группа ведущих прозаиков: Марков, Седых, Кунгуров, занята историческими темами, далекими от наших дней» [26]¹.

Все тот же доклад секретаря обкома по идеологии дает представление и о том, почему по существу вне критики оказалась самая политизированная и идеологизированная часть иркутского «научного» сообщества — преподаватели истории партии и обществоведческих дисциплин, столь соблазнительно легкий для ее стрел объект. Претензии к ним не были артикулированы в силу отсутствия самого предмета для критики. Партийный функционер вынужден был признать, что так и не овладевшие марксистской теорией, они уже давно «превратили процесс преподавания основ марксизма-ленинизма и истории партии в простое начетничество, зазубривание цитат, вынули живую душу из науки всех наук, марксистско-ленинской науки об обществе» [26], и не способны выдавать на-гора не то что научные работы — пропагандистские статьи для газеты или лекции для системы политической учебы.

Наконец, творческая интеллигенция Иркутска на своем собрании, всем его ходом и состоявшимся «обсуждением» — покаяниями в грехе

---

¹ Примечательно, что двое из трех перечисленных авторов, на следующем витке кампаний будут удостоены Сталинских премий именно за свои «исторические» сочинения — «Даурия» (1950) и «Строговы» (1952).

«ухода от социалистической действительности» и бесконечными попытками «перевода стрелок» — фактически вложила розги идеологического воспитания в руки печатного органа власти — «Восточно-Сибирской правды». Наибольшая часть упреков была адресована именно газете как не обеспечившей систематического и надлежащего критического разбора литературных, художественных, театральных или научных произведений, что не могло, в конечном счете, не отразиться на качестве работы соответствующих творческих коллективов или отдельных авторов. И своей передовицей уже от 5 октября, озаглавленной «Идейно-политическое воспитание интеллигенции», газета дала понять, что приняла брошенный вызов, и вне ее критики как формы воспитательного воздействия не останется ни одна категория местной интеллигенции. Тем более что не только творческая, но и хозяйственная, инженерно-техническая или научно-педагогическая, городская или сельская интеллигенция, нуждались в поднятии «бодрости духа и веры в свое дело» путем усиления идейно-политической работы в ее среде [11].

Особое место, которое заняла в этом перечне научная интеллигенция города, определялось стартовавшей именно в эти октябрьские дни подготовкой к намеченной на 1947 г. конференции по изучению производительных сил Иркутской области. Ее организатором выступил Совет по изучению производительных сил АН СССР, а участниками предстояло стать Академии сельскохозяйственных наук, многим отраслевым министерствам и исследовательским институтам страны. Встретить же столь масштабное мероприятие надлежало не только бодрыми рапортами о проделанной в его преддверии работы, но и изрядной порцией самокритики¹ и критики в адрес не всегда соответствовавших уровню поставленных задач научных и вузовских коллективов, а также отдельных деятелей местной науки. И, согласимся, более подходящей для критики кандидатуры, чем «специалист по экономике и планированию сельского хозяйства» — давно и безнадежно отстающего участка научной работы, «заведующий кафедрой отраслевых экономик» вуза, фактически оказавшегося в стороне от проблематики конференции², «кандидат сельскохозяйственных наук», но занятый историко-экономическими разысканиями, — трудно было подобрать.

¹ Подобного рода публикации начнут появляться на страницах «Восточно-Сибирской правды» начиная с октября с завидной регулярностью, будучи подготовлены либо руководителями партийно-хозяйственных органов, ответственных за развитие науки в регионе, либо руководителями научно-образовательных организаций. Для них будет заведена даже специальная рубрика «Перед научной конференцией Иркутской области», а заголовки будут, порой, ставить в один ряд научную и идеологическую работу их коллективов (см., например: [25; 28; 33; 34])

² Иркутский финансово-экономический институт, хотя и стал одной из площадок конференции, не дал ни одного участника ее секций, за исключением В.Н. Шерстобоева, участвовавшего в ее работе, однако, в качестве сотрудника Иркутского сельскохозяйственного института.

Первый, уже не анонимный, выпад газеты в адрес В.Н. Шерстобоева — вряд ли стоит уточнять, что упоминание в официальной печати в те годы почти автоматически становилось клеймом, указывавшим на объект всеобщей критики — был сделан ровно на следующий день после состоявшегося в ее редакции организационного заседания секции литературной критики при Иркутском отделении Союза советских писателей [24]. Уже в неофициальном статусе «официального критика» член бюро этой организации и заместитель ответственного редактора газеты Евгений Васильевич Алакшин (1907–1972) предпринял на ее страницах разбор сельскохозяйственной литературы, выпущенной местным издательством. Данной публикацией газета не просто «возвращала» его руководителю К.В. Чуйко критические стрелы в свой адрес — как игнорирующей новинки сельскохозяйственной литературы, — брошенные на собрании работников литературы и искусства города, но помещала вопрос о качестве последней в новую — научно-идеологическую, если можно ее так назвать, — плоскость. Не оправдывая издательство, статья возлагала ответственность за низкое качество сельскохозяйственной литературы на «наши научные сельскохозяйственные учреждения». Все недостатки литературы и породивших ее научных изысканий коренились, по мнению автора, в несоответствии тематики последних задачам, поставленным перед учеными партией и правительством. В то время как деревня ждала монографий о передовых колхозах, МТС, очерков о лучших людях и обобщения стахановского опыта, опытные станции и вузы демонстрировали «отрыв части научных работников от колхозной и совхозной практики», а некоторых из них и вовсе «уход от современности в техницизм и историзм» [3].

«Характерным примером» подобного рода ухода автор статьи сделал творчество В.Н. Шерстобоева и подготавливаемую издательством к печати его работу «Илимская пашня конца XVI и XVII столетий»¹. Не рискуя, в силу некомпетентности, подвергать сомнению научные достоинства исследования, он безапелляционно от имени народа, государства, партии оспаривает — благо начавшиеся идеологические кампании побуждали и позволяли людям типа Алакшина это делать — право ученого определять направление своего научного поиска, область и способ приложения своего таланта. «[П]очему автор — единственный в области специалист по вопросам организации колхозного хозяйства — ничего не пишет, — вопрошает прежде безымянный недоброжелатель, редакционный аноним, — по насущным вопросам современности. Почему равнодушен к этому делу и ученый совет сельскохозяйственного

---

¹ Очередная «опечатка», теперь уже в тексте, подписанном полным именем автора, стала, по всей видимости, и лучшим подтверждением подозрений ученого, и, может быть, сознательным действием снявшего маску антигероя нашей статьи, демонстрировавшего, что пришло его время.

института¹, где Шерстобоев заведует кафедрой? Разве для института безразлично, что его ученые не работают над проблемами сталинской пятилетки?» [3].

Пишущий эти строки далек от того, чтобы искать простой и однозначный ответ на вопрос о причинах, превративших Е.В. Алакшина в «злого гения» главного героя статьи. В том же, что это именно так — сомневаться не приходится. На страницах дневниковых записей, сделанных в вагоне поезда по пути из Москвы в Иркутск после защиты первого тома «Илимской пашни» в качестве докторской диссертации в ноябре 1951 г., Шерстобоев обозначил это противостояние при помощи оппозиции «тварь — творец». Перебирая в памяти события предшествующего пятилетия, когда «выпестовывал и выводил в свет свое дорогое чадо», и определяя место и роль в них Алакшина, он записал: «Как красиво можно противопоставить два русских слова, происходящих от одного корня — творец и тварь» [9, д. 40, л. 8об.]. Прояснению ситуации нисколько не способствуют посвященные, если вновь воспользоваться выражением нашего героя, «твари Алакшину» современные публикации, с завидным постоянством рисующие образ крепкого профессионала журналистского цеха, хорошего семьянина, товарища и даже жертвы политических репрессий, но сознательно обходящие стороной весьма неблагоприятную роль, сыгранную им в период идеологических кампаний [2; 22]. Не стремясь, со своей стороны, превратить В.Н. Шерстобоева в «оппонента власти» или «борца с системой», каковым он, безусловно, не был, подчеркнем лишь ту бескомпромиссность, с которой он всегда отстаивал собственную позицию в отношениях с властью. Что и отличало его, на наш взгляд, от оппонента — «добровольца агитфронта», своей позиции не имевшего, и занимавшегося обслуживанием власти.

Именно эта бескомпромиссность заставила В.Н. Шерстобоева сразу по появлении статьи Алакшина взяться за перо и в письме ответственному редактору областной газеты не только отстаивать право на свободу научного творчества: «вообще говоря, у человека нет обязанности писать что-либо, если это не вытекает из его служебного положения», но и терпеливо разъяснять тесную связь своих историко-экономических разысканий с современностью. «В последнее время, — писал ученый, очерчивая область своих научных интересов, — я особенно интересовался развитием сельского хозяйства северных районов Иркутской области. Эти районы обладают громадными возможностями, через них ведется сейчас Ленская железная дорога, там открыты в последние годы крупнейшие в Восточной Сибири железорудные месторождения. Между тем земледелие там развито крайне слабо, главным образом вследствие экономических,

---

¹ В рассматриваемый период В.Н. Шерстобоев совмещал работу в Иркутском финансово-экономическом институте с заведыванием кафедрой организации сельскохозяйственного производства в сельхозинституте.

а не природных причин. Никто вопросом развития земледелия в этих районах, представляющих по территории половину Иркутской области, не занимается. А между тем у местного крестьянства имеется замечательный опыт освоения под пашню таежных пространств. В силу этого изучение вопросов и задач дальнейшего внедрения здесь земледелия представляет глубокое практическое и весьма важное значение» [9, д. 228, л. 22, 24].

Газете не потребовалось и недели, чтобы ответить ученому, опубликовав этот самый ответ в форме передовой статьи (хотя и не подписанной, но за которой легко угадывается рука Алакшина), недвусмысленно озаглавленной «Науку — на службу сталинской пятилетке». «Характерный пример» Шерстобоева превратился в ней в пример назидательный, то есть призванный послужить уроком, для местной научной интеллигенции, еще питающей иллюзии относительно свободы научного творчества. Конечно, — иезуитски заявляла передовица, — «автор вправе отстаивать научное значение своей работы, но почему же руководство сельскохозяйственного и финансового институтов не находит научных сил для разработки более неотложных тем и почему оно не поручает тов. Шерстобоеву такие темы, как организация и планирование колхозного производства, специалистом которых он является?!». Причина крылась, конечно же, в политико-идеологической близорукости руководства этих учреждений, пренебрегших недвусмысленными указаниями партии, предъявившей требования отражать современность даже не занимающим никакого служебного положения писателям. Руководства, допустившего, вследствие этого, «отставание науки от решения важнейших практических задач», мирящегося «с уходом отдельных научных работников от современности в историзм, техницизм» и, потому, ускользающих от контроля [19].

На фоне тщательно подобранных позитивных примеров установления тесных связей науки с практикой, демонстрируемых научным обществом города, фигура Шерстобоева должна была выглядеть явно маргинальной. «Злой гений» ученого не только называет тему его научных занятий отдаленной от нужд послевоенного народного хозяйства, но и не без иезуитства определяет как посвященную развитию хлебопашества и строю пашенных крестьян Нижне-Илимского района, начиная с середины XVII и до первой четверти XVIII в. Если же к этому добавить настойчиво внедряющуюся в сознание читателей мысль о том, что утраченный собственное любопытство за государственный счет исследователь, возглавляет кафедры организации сельскохозяйственного производства и отраслевых экономик сразу в двух народнохозяйственных вузах — то и фигурой асоциальной.

Любопытно, но первым — еще за три дня до выхода номера газеты с упомянутой передовицей — продемонстрировал усвоение урока отнюдь не подвергнутый остракизму автор, а непосредственно причастный к появлению «Илимской пашни» на свет — ее научный редактор Ф.А. Ку-

дрявцев. В воскресном номере газеты в рубрике «Над чем работают наши ученые» кандидат исторических наук, доцент университета поделился с укрывшимся за криптонимом «А.Б.» корреспондентом своими творческими планами. С очевидным и единственным намерением защитить собственные исследовательские и издательские проекты ученый решительно срывал завесу таинственности над архивным поиском, носящим, на самом деле, прикладной характер: «“Архивная тишина” столь же распространенное, сколь и неправильное понятие. Вот недавно работниками Иркутского архива были выявлены документы, представляющие исключительный интерес для народного хозяйства. С помощью архива учтены “забытые” месторождения ценных полезных ископаемых». Корреспондент тут же резюмировал: «Прав тов. Кудрявцев, утверждая, что история — живой, действенный источник более углубленного понимания текущих явлений жизни и перспектив развития нашей страны» [1].

Выводить в свет свое «дорогое чадо» В.Н. Шерстобоеву предстояло, поэтому, в одиночку, и он бесстрашно двинулся по тернистому пути. Риторике коллеги по историческому цеху, способной ввести в заблуждение разве что обывателя, В.Н. Шерстобоев противопоставил научную статью в сборнике Известий Иркутского сельскохозяйственного института, подготовивавшемся его коллективом к началу конференции, наглядно демонстрирующую практическую значимость предпринятых историко-экономических разысканий. Ссылаясь на архивные данные, свидетельствующие о том, что культура озимой ржи была в северных районах области «первоначальной культурой русского земледелия с 30–40 годов XVII столетия», он называет ошибочным вытеснение ее посевов и замещение яровой пшеницей вследствие противопоставления этих культур на основе их урожайности. Крайне низкая доля озимых в структуре посевов, на его взгляд, не позволяет строить правильные севообороты со всеми вытекающими отсюда последствиями для экономики современных хозяйств [32].

Поскольку конец 1946 и начало 1947 г. проходили под знаком подготовки к конференции по изучению производительных сил Иркутской области, ученый сосредоточился на использовании возможностей этого масштабного научного мероприятия для презентации своего исследовательского проекта, уникального не только по масштабам, но и полученным в ходе его реализации результатам. И если развернувшаяся в прессе критика практически не оставляла шансов вписаться в его издательскую программу, то все еще сохранялась возможность выступления на конференции с докладом, и продолжалась — совместно с краеведческим музеем — работа по подготовке на основании исследовательских материалов раздела выставки «Иркутская область» [5]. Весьма сложной и кропотливой оказалась работа над структурой и текстом доклада, который призван был резюмировать содержание первого тома «Илимской пашни». В окончательной редакции он был озаглавлен «Начало разви-

тия земледелия в Предбайкалье (Илимская пашня)»¹ и апробирован ученым на февральской 1947 г. конференции в сельскохозяйственном институте, вызвав немалый интерес слушателей. И не одним лишь своим содержанием, но и тем, что конференция была призвана реабилитировать научно-исследовательскую работу вуза, критикой которой тот был во многом обязан именно заявленной ученым теме [23].

Критика газеты сделала все же свое черное дело: оргкомитет конференции по изучению производительных сил отказался включить Шерстобоева в число участников секции сельского хозяйства из-за несоответствия заявленной темы проблематике ее работ. Это заставило ученого — дабы не упустить уникальной возможности непосредственного общения с лидерами и организаторами советской экономической науки — заявиться с устроившим организаторов докладом «Состояние и перспективы развития овоще-картофельной базы вокруг промышленных центров области». Но, что более важно, перейти к более решительным и наступательным действиям в плане защиты своих научных занятий и их результатов. Летом 1947 г. он предпринял поездку в Москву не для одной только работы в Центральном государственном архиве древних актов, но и с целью заручиться авторитетной поддержкой своего исследовательского проекта, который заметно перерос рамки первоначального замысла, а главное — отвести нападки, ставшие реальной угрозой его будущему. И совсем не случайно первым столичным читателем и рецензентом работы выступил экономист (а не историк), академик Станислав Густавович Струмилин — участник предстоящей конференции в Иркутске, научную специальность которого широко публиковавшиеся в ее преддверии материалы об известных гостях форума определяли как «экономика и история» [29].

Отсылая в августе 1949 г. Струмилину только что вышедший из печати первый том своего труда, В.Н. Шерстобоев позволил в сопроводительном письме предаться воспоминаниям: «Прошло более двух лет, как я, помнится, явился к Вам с печатным на машинке (вторым) экземпляром «Пашни». Признаюсь, у меня было сомнение, примете ли Вы меня, а если да, то познакомитесь ли с работой, а если да, то не отошлете ли Вашего покорного слугу за тридевять земель, в Иркутск, к исходной точке моих занятий. Получив Ваш отзыв, я перечитывал его десятки раз, пока: 1) трамвай не привез меня к какой-то остановке, 2) не выучил отзыв наи-

¹ Публикуя (с сокращениями) в Иркутском историко-экономическом ежегоднике за 2000 г. текст отложившегося в личном архивном фонде В.Н. Шерстобоева доклада [31], автор этих строк был уверен лишь в том, что тот представляет собой самостоятельное завершенное произведение, а не является, как полагали составители дела, первоначальным вариантом статьи «Земледелие Северного Предбайкалья в XVII–XVIII вв.» (1952). Теперь можно со всей определенностью назвать его текстом доклада на научной конференции, состоявшейся в Иркутском сельскохозяйственном институте в феврале 1947 года, и предположить, что с внесенными поправками и дополнениями (а текст датирован 16-м марта 1947 г.), предназначался для конференции по изучению производительных сил Иркутской области, состоявшейся 4–11 августа.

зую, включая подпись и дату» [20, с. 14]. Не будет преувеличением допустить, что состояние, в котором находился Шерстобоев в те памятные для него минуты, когда его взгляд не мог оторваться от врезавшихся в память строк, было вызвано не одним лишь содержащимся в них признанием научных достоинств его работы. Буквально несколько строк, начертанных академиком на титульном листе машинописного экземпляра книги и гласивших: «Очень серьезная и ценная исследовательская работа. Могу поздравить автора с большой творческой удачей. Акад. С. Струмилин. 11/VI. 1947 г.», были отнюдь не отзывом, как именует их иркутский ученый, — они были для него «пропуском», или, скорее, допуском к продолжению занятий любимым делом, историко-экономической наукой, «Илимской пашней». Неслучайно, защитив первый том книги в качестве докторской диссертации и воздавая должное старшему товарищу, без участия которого это событие могло попросту не состояться, ученый запишет в уже упоминавшемся импровизированном дневнике: «Спасибо Струмилину. Он меня спас от гнусных изветов» [9, д. 40, л. 8об.]¹.

Второй такой «допуск» иркутский ученый получил ровно два месяца спустя уже в Иркутске, в ходе конференции, от еще одного члена ее оргкомитета — руководившего сельскохозяйственной секцией, в которой принимал участие и Шерстобоев — академика-экономиста, директора Сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева Василия Сергеевича Немчинова. И вновь лаконичные фразы на титульном листе машинописного экземпляра книги: «Даже очень беглый просмотр рукописи «Илимской пашни» показал, что налицо интересная и весьма необходимая работа. Могу только пожелать автору творческого успеха в ее завершении и опубликовании. 11/VIII. 47 г. Академик В. Немчинов», свидетельствовали не об одной только ее научной актуальности, но и востребованности сельскохозяйственной практикой. Именно так, не сомневаемся, они были прочитаны представителями властных инстанций, развязавших кампанию критики ученого и его работы, поместивших творческую деятельность под идеологический прессинг, и предпочтшими, в конечном счете, спустить запущенный процесс «на тормозах» и унять увлекшихся травлей представителей «четвертой власти».

Не стремясь к широким обобщениям, отметим в качестве местной особенности протекания идеологических кампаний, как и способа про-

¹ В личном архивном фонде ученого отложился набросок письма к С.Г. Струмилину с поздравлениями по поводу его 75-летия от 22 января 1952 г. Есть в нем и такие, частью вычеркнутые, но нам от этого не менее интересные (они помещены нами в скобки), строки: «Ни к кому другому из всех, кого я знаю, я не испытываю такого искреннего уважения, как к Вам... Я имею ... право сказать Вам это прямо не только потому, что Вы являетесь образцом исследователя-ученого, ставящего ясно, глубоко и оригинально трудные вопросы науки, но и потому, что Вы первый оказали мне, неизвестному, провинциальному работнику мощную и решающую поддержку <в дни, когда дело, которого не понимали местные... в наиболее важном для меня деле... в самое критическое для моей> в жизненно важном для меня деле» [9, д. 238, л. 1].

тивостоять — с завидной регулярностью выдвигавшимся властью и большей частью надуманным — обвинениям в различного рода «прегрешениях», придание гласности, а на деле — «доведение до сведения» руководства вуза, издательства, областного комитета партии и др. содержания своей научной переписки. И прежде всего, с авторитетными специалистами в той или иной области знания, столичными научными организациями или центральными научными журналами и т.д. Фразы «познакомил с Вашим мнением дирекцию Иркутского финансового института», «передал письмо местному ОГИЗу» или «обком ВКП(б), узнав о получении письма, просил познакомить с его содержанием» — из писем Шерстобоева С.Г. Струмилину, В.С. Немчинову, С.В. Бахрушину или В.К. Яцунскому — не просто характеризуют атмосферу, в которой выживала наука в этот период, но раскрывают механизм этого выживания.

Подобные «неофициальные документы», наряду с вполне официальными отзывами или печатными рецензиями, чаще всего на время разряжали атмосферу, окружавшую ученого, но не гарантировали неприкосновенности даже в недалеком будущем. Вот и В.Н. Шерстобоеву придется еще не раз столкнуться с системой, ее персонификацией в своей жизни, своим «злым гением» — Е.В. Алакшиным. Уйдя в тень после конференции 1947 г., последний вновь проявит себя в 1950-м, найдя, как ему покажется, «ахиллесову пяту» ученого. Успех первого тома «Илимской пашни», отмеченной рецензиями в «Вопросах истории», «Советской книге», «Советской этнографии» и других столичных издания, а также принятой к защите в качестве докторской диссертации в Институте экономики АН СССР, ничего не изменил в положении Шерстобоева. Он по-прежнему возглавлял кафедру отраслевых экономик финансово-экономического института и оставался специалистом по экономике и планированию сельского хозяйства. Поэтому новый удар будет направлен в сторону той области знания и занятий, которой Шерстобоев, вне всякого сомнения, тяготился, даже упоминая в переписке о том, что его научные интересы не вполне совпадают с его научной работой.

Мастак составлять пропагандистские брошюры с количеством упоминаний имени Сталина на каждой странице, превышающим все разумные пределы, Алакшин разразился в «Восточно-Сибирской правде» разгромной рецензией на небольшую работу В.Н. Шерстобоева «Планирование в колхозе», в которой обвинил автора ни много ни мало в игнорировании социалистического характера планирования... Но это уже совсем другая история, еще ждущая своего исследователя.

Список использованной литературы и источников

1. А. Б. Над чем работают наши ученые / А. Б. // Восточно-Сибирская правда. — 1946. — 17 нояб.

2. Абкин Б. Наставник / Б. Абкин // Восточно-Сибирская правда. — 2002. — 31 авг.
3. Алакшин Е. О местной сельскохозяйственной литературе / Е. Алакшин // Восточно-Сибирская правда. — 1946. — 26 окт.
4. В фининституте // Восточно-Сибирская правда. — 1946. — 9 июля.
5. Выставка «Иркутская область» // Восточно-Сибирская правда. — 1947. — 8 марта.
6. Выше уровень идеологической работы // Восточно-Сибирская правда. — 1946. — 9 июля.
7. Генина Е. С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Кузбассе (конец 1940-х — начало 1950-х гг.) / Е. С. Генина. — Красноярск : Кларетианум, 2003. — 139 с.
8. Гижов В. А. Идеологические кампании 1946–1953 гг. в российской провинции : (по материалам Саратов. и Куйбыш. обл.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / В. А. Гижов. — Саратов, 2004. — 22 с.
9. Государственный архив Иркутской области. — Ф. р-2683 (В.Н. Шерстобоев). — Оп. 1.
10. Доклад т. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград» // Восточно-Сибирская правда. — 1946. — 25 сент.
11. Идеино-политическое воспитание интеллигенции // Восточно-Сибирская правда. — 1946. — 5 окт.
12. Казарин В. Н. Идеологические кампании второй половины 1940 — начала 1950-х гг. и научно-педагогические кадры высшей школы Восточной Сибири / В. Н. Казарин // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории : [материалы Всерос. науч. конф., Новосибирск, 3–4 марта 1998 г. / редкол. : Л. М. Горюшкин (отв. ред.) и др.]. — Новосибирск : Ин-т истории, 1998. — С. 209–212.
13. Казарин В. Н. Проблема «патриотизма» и «космополитизма» в идеологических дискуссиях второй половины 1940-х — начала 1950-х годов и иркутская интеллигенция / В. Н. Казарин // Сибирский еврейский сборник (Иркутск). — 1996. — № 2. — С. 100–112.
14. Кимерлинг А. С. Выполнять и лукавить: политические кампании поздней сталинской эпохи / А. С. Кимерлинг. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. — 211, [5] с.
15. Книжные новинки // Восточно-Сибирская правда. — 1946. — 20 апр.
16. Кунгина О. А. Политико-идеологические кампании в отношении вузовской интеллигенции г. Молотова в 1945–1953 годы : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / О. А. Кунгина. — Тюмень, 2014. — 23 с.
17. Майдачевский Д. Я. «...Я Вас полагаю единственным у нас в Иркутске историком»: В.Н. Шерстобоев и сообщество местных историков, 1950-е гг. / Д. Я. Майдачевский // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2007. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2007. — С. 48–53.
18. Майдачевский Д. Я. Творчество В.Н. Шерстобоева в контексте послевоенного этапа развития отечественной историко-экономической науки / Д. Я. Майдачевский // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2009. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2009. — С. 5–12.
19. Науку — на службу сталинской пятилетке // Восточно-Сибирская правда. — 1946. — 20 нояб.

20. Переписка В.Н. Шерстобоева с академиком С.Г. Струмилиным / публ. и прим. Д. Я. Майдачевского // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2009. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2009. — С. 13–20.

21. Политические и идеологические кампании в послевоенной российской провинции (на материалах Нижегородской области) / [Г. Ш. Сагателян, И. В. Филлипчук, С. А. Дядя, Н. В. Занозин; под ред. Г. Ш. Сагателяна]. — Нижний Новгород, 2015. — 348 с.

22. Рыбак М. Доброволец агитфронта / М. Рыбак // Восточно-Сибирская правда. — 2012. — 27 нояб.

23. Сверкунов В. Научная конференция в Иркутском сельхозинституте / В. Сверкунов // Восточно-Сибирская правда. — 1947. — 18 февр.

24. Секция литературной критики // Восточно-Сибирская правда. 1946. — 27 окт.

25. Силинский П. О пятилетнем плане научно исследовательской работы / П. Силинский // Восточно-Сибирская правда. — 1946. — 11 дек.

26. Смирнов М. Основные задачи идеологической работы / М. Смирнов // Восточно-Сибирская правда. — 1946. — 24 сент.

27. Собрание работников литературы и искусства Иркутска // Восточно-Сибирская правда. — 1946. — 24 сент.

28. Выше уровень научной и идеологической работы вузов / И. Толмачев // Восточно-Сибирская правда. — 1946. — 31 дек.

29. Ученые — участники конференции: Академик Станислав Густавович Струмилин // Восточно-Сибирская правда. — 1947. — 19 июля.

30. Хаминов Д. В. Историческое образование и историческая наука в Сибири под давлением идеологических кампаний послевоенного сталинизма / Д. В. Хаминов // Новый исторический вестник. — 2017. — № 1(51). — С. 82–95.

31. Шерстобоев В. Н. Начало развития земледелия в Предбайкалье (Илимская пашня) / В. Н. Шерстобоев ; предисл., публ. и прим. Д. Я. Майдачевского // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2000. — Иркутск : Изд-во ИГЭА, 2000. — С. 11–22.

32. Шерстобоев В. Н. О посевных площадях озимой ржи в северных районах Иркутской области / В. Н. Шерстобоев // Известия Иркутского сельскохозяйственного института. — 1947. — Вып. 5. — С. 174–182.

33. Широков А. К научно-исследовательской конференции Иркутской области / А. Широков // Восточно-Сибирская правда. — 1946. — 25 окт.

34. Яхтенфельд П. Широко использовать достижения агрономической науки / П. Яхтенфельд // Восточно-Сибирская правда. — 1946. — 28 дек.

Информация об авторе

Майдачевский Дмитрий Ярославович — кандидат экономических наук, доцент, кафедра истории и международных отношений, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: maid1960@mail.ru.

Author

Dmitry Ya. Maidachevsky — Ph.D. in Economics, Associate Professor, Department of the History and International Relations, Baikal State University, 11, Lenin St., Irkutsk, 664003, e-mail: maid1960@mail.ru.